

СОСТОЯНИЕ ЕДИНОГО ВРЕМЕНИ: КОНЕЦ МУЛЬТИПАРАДИГМАЛЬНОСТИ СОЦИОЛОГИИ

Панюта Валентин Игоревич — кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии Харьковского национального университета

Ця стаття присвячена аналізу проблеми мультипарадигмальності соціології в умовах формування єдиної конвенції часу у суспільстві, що глобалізується. У статті розглядається питання принципової можливості отримання об'єктивного та універсального соціологічного знання, а також аналізується проблема зникнення культурних меншин у потоці єдиного лінійного часу.

The article is dedicated to the analysis of multi-paradigm of sociology in the frame of formation of a unified convention of time in the society which undergoes globalization. The article examines the questions of a principal possibility to receive objective and universal sociological knowledge and analyses a problem of extinction of cultural minorities in the flow of unified linear time.

Ключевые слова: мультипарадигмальность, линейное время, символическое поле, глобализация, темпоральная диверсификация.

Категория «времени», не являясь, в строгом смысле, объектом социологического познания, тем не менее имеет решающее значение для любой теоретической концепции, претендующей на универсальность своих утверждений об обществе. Изучение социокультурных эффектов темпоральных изменений, происходящих в эпоху глобализации приобретает особую актуальность для современной социологии не только потому, что позволяет выявить новые качества её вечно изменяющегося объекта, но также и в силу того, что дает возможность по-новому рассмотреть проблематику существования социологической науки как таковой. Таким образом, целью данной работы является попытка проанализировать то значение, которое имеют современные социокультурные трансформации, а именно — процесс темпоральной унификации различных сообществ, для развития самой социологии как способа объективного познания социальной реальности.

На протяжении всей истории развития социологической мысли именно *время* выступало в качестве основного «разрушителя научных легенд», опровергая справедливость доводов, казалось бы, самых утонченных и логически совершенных представлений об устройстве социальной жизни. Многие из существующих на сегодняшний день универсальных социологических теорий обладали неоспоримым научным авторитетом *в свое время*, но не смогли оставаться аксиомами *во время иное*. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что именно факт *существования времени* является одной из двух основных причин, по которой социологии *навечно*, как принято считать, суждено быть мультипарадигмальной наукой. В качестве другой основной причины традиционно называют изначальную непохожесть различных социокультурных систем друг на друга.

Итак, следуя данной логике, можно сказать, что социология обречена быть мультипарадигмальной наукой по той причине, что её объект обладает двумя очень важными свойствами, которые ставят непреодолимые препятствия на пути построения универсальной социологической теории: а) различные общества не похожи друг на друга, а, значит, невозможно какие-либо выводы относительно одного общества считать справедливыми и для любого иного; б) общества изменяются со временем, а, значит, невозможно считать объективными даже те выводы, которые подтверждены эмпирически в рамках конкретного общества, поскольку это было сделано *в определенное время* и отнюдь не означает, что эти данные будут справедливы *в любое время*. При этом не трудно заметить, что первое свойство (*общества разные*) логически связано со вторым (*общества со временем меняются*). Если к этим двум утверждениям мы добавим еще и тезис о том, что *общества со временем меняются по-разному*, то выйдем на понимание культурной «темпоральности» как одной из ключевых характеристик социума *во все времена*.

Таким образом, *испытание временем* является той основной причиной, по которой одна социологическая теория приходит на смену другой, порождая вечный конфликт внутри социологического сообщества. В данной статье мы не будем производить подробный анализ других причин мультипарадигмальности социологии, поскольку все они, так или иначе, связаны с исходным условием — «темпоральностью общества». Даже если бы мы попытались обосновать *вневременность* концептуального раскола социологии на парадигмы реализма и номинализма, или, как его следствие, — методологического раскола на объясняющую и понимающую социологии, мы все равно столкнемся с тем фактом, что эти непримиримые теоретические концепты *со временем* были достаточно успешно объединены в рамках

различных синтетических социальных теорий. При этом, конечно, стоит учесть, что этих *новых* универсальных теорий существует опять-таки несколько и созданы они были не *одновременно*.

Что же касается еще одной, классически упоминаемой причины мультипарадигмальности социологии, а именно — погруженности социолога в общество, а, значит, невозможности выполнения одного из необходимых условий научной объективности (особого топоса исследователя, за счет которого он может быть беспристрастным наблюдателем, т. е. находиться вне объекта своего исследования), то она также является ни чем иным, как следствием *работы времени*. Каждый социолог не просто «погружен в общество», прежде всего он «погружен в общество *своего времени*». «Действительно, социолог находится в обществе, а историк — в истории» [1; с. 10]. Таким образом, общество, обладая историей, не может быть изучено никем иным, кроме как «исторически преходящим наблюдателем». Наша погруженность в общество означает не что иное, как нашу погруженность в историю, а, значит, *во время*.

Исходя из вышесказанного, можно сделать еще один вывод: общества, объединенные пространственно и темпорально, со временем могут стать единым по своим качествам объектом, поскольку в определенное время начнут самовоспроизводиться за счет единых культурных оснований. Возможность подобной трансформации может вселить в социологов-практиков надежду на завоевание социологией статуса точной науки, поскольку её объект действительно станет «наблюдаемым», а значит «предсказуемым».

Что же касается социологов-теоретиков, то долгожданную «наблюдаемость мира» они, скорее всего, воспримут «по-постмодернистски», а, значит, не всерьез. Конечно, можно привести множество аргументов в пользу того, что эта тема уже не является проблемой современного социологического дискурса, что мультипарадигмальность социологии — это её методологическое преимущество, а не недостаток; что социолог имеет гораздо больше возможностей, чем физик, который никогда не сможет оказаться внутри ядерной реакции и т.д.

Тем не менее, нельзя не признавать, что процесс экономического, политического и, что самое главное, культурного объединения, т.е. все то, что принято называть *глобализацией*, создает реальные условия для унификации человеческого сообщества, а, значит, его принципиальной «познаваемости». Это не значит при этом, что категория «времени» теперь может быть навсегда вынесена за скобки. Общество продолжает развиваться *во времени*, но оно теряет *временную*, а, значит, *культурную* диверсификацию.

Возможно, современные глобализационные процессы в современном обществе позволяют раз и навсегда реанимировать в научной социологической среде тот самый «контовский» оптимизм, позволявший говорить о том, что общество функционирует *согласно законам*, а, значит, его можно изучать позитивистски.

Отсюда может возникнуть убежденность в том, что общество можно снова попытаться устроить определенным *справедливым* способом, остается лишь узнать законы, по которым оно развивается. Что же касается универсальности этих законов, то как раз эта проблема снимается благодаря формированию информационного общества и сопутствующей ему глобализации.

Действительно, поскольку темпоральная диверсификация различных обществ всегда была причиной отсутствия единой социологической теории, то устранение этой диверсификации, казалось бы, должно привести к трансформации социологии в исключительно позитивистскую науку, устроенную по образу и подобию естественных наук. Этот проект действительно возможен, но только при одном условии: темпоральное единение должно привести к единению социальному. Последний тезис требует отдельного рассмотрения

Становление информационного общества и сопутствующие ему глобализационные тенденции в мировом развитии делают реальностью состояние «единого времени». Одно время на всех означает универсальный ритм жизни *всех* индивидов, этнических групп, наций, религиозных общин и культурных образований от Токио до Лос-Анджелеса. И дело вовсе не в каком-то там смещении часовых поясов, они остаются прежними, дело в существовании одной на всех данной реальности, т.е. *единой современности*. «Сегодня под натиском глобализации отдельные “временные меньшинства” не могут нырнуть в свое несинхронное время в сторону от главного потока линейного времени» [2; с. 30]. Различные культурные пространства в эпоху глобализации исчезают именно потому, что теряют *свое* время. Когда африканское племя, на протяжении столетий возделывавшее землю посредством ручного труда, вдруг получает в пользование трактор, который ему спускает с неба ещё одно достижение западной цивилизации — вертолет, то *собственное* время этого племени, в котором целые эпохи развития вдруг сжались в один день, просто исчезает. В этой унификации мирового времени к общепринятой форме линейного времени, от которого недопустимы малейшие отклонения, кроется едва ли не самое радикальное ограничение и репрессия западной цивилизации над другими.

Действительно, линейное время, с одной стороны, объединяет, но в то же время обедняет человечество, лишая его «временного разнообразия». То, к чему западное общество пришло эволюционным путем, на что ему потребовались целые столетия прогресса, африканское племя получает как бы в приданное, готовясь стать новым, без сомнения подчиненным, звеном в мировой экономике.

Принятие культурных норм более развитой цивилизации становится своеобразной присягой на верность и доказательством своей полной лояльности к “вечным ценностям и завоеваниям западной демократии”.

Коммуникационные процессы при таком состоянии вещей достигают своей предельной скорости не только вследствие достижений в области компьютерных технологий, но и вследствие культурной похожести общающихся *современников*. Общие культурные основания, таким образом, становятся необходимым условием для развития информационного общества. Поток символов должен быть понятен для всех. Такая ситуация создает предпосылки для создания общей экономической и политической системы. Если информация встречает понимание у каждого, то распространение этой информации действительно эффективно. Общий рынок требует не только единой правовой и финансовой системы, в первую очередь, он требует единого образа мышления и стиля жизни, единого жизненного ритма для всех его производителей и потребителей. Если мультипликационный персонаж будет равно популярен как в США, так и в Арабских Эмиратах, то производство детской игрушки, символизирующей его, действительно способно принести целое состояние на рынке сбыта под названием “Земля”.

Исчезновение «временных меньшинств», а, значит, и исчезновение определенных культурных систем является одним из самых парадоксальных явлений постмодерности. Провозглашаемая мозаичность постмодернистского информационного общества, основанная на процессах культурной демассификации и децентрализации, должна была бы, соответственно, предполагать и мозаичность времён в этом обществе. Однако социокультурная децентрализация и демассификация информационного общества, о которой писал Э. Тоффлер в своей книге «Третья волна», происходит лишь в рамках одной культурной системы, которая стремится стать центром и своеобразным эталоном для других систем [3]. Наблюдается переход от современных «параллельных модерностей» к «унифицированной постмодерности» с её глобальным линейным временем западного типа. Этот трансформационный процесс можно назвать борьбой разных «конвенций времени», присущих разным культурным традициям [2].

Подобная культурно-временная трансформация приводит к необратимым изменениям в символических полях унифицируемых обществ. Культурные традиции, для которых было свойственно пребывание в собственном цикличном времени, по сути, прекращают свое существование. Их переход от «символической цикличности» к линейному символическому потреблению означает не только репрессию их культурного прошлого, в котором каждый раз можно было что-то исправить и начать всё сначала, но и уничтожение их уникального культурного будущего, влившегося в унифицированное время глобализационных процессов.

Становление унифицированного во времени глобального символического пространства задает общий ритм символического производства для каждой, когда-то независимой культурной системы. Реальность этого процесса легко проследить на примере такой сферы символического производства, как книгоиздание.

Если говорить о реалиях украинского культурного пространства и, в частности, о книгоиздании, то можно констатировать определенный временной разрыв, сопровождающийся вливанием в глобальное линейное время. Эти процессы имеют свои специфические особенности — как положительные, так и отрицательные. Так, с одной стороны, стремление жить в одном времени со всем цивилизованным (западным) миром дает толчок к изданию современной литературы по самым различным направлениям, что, безусловно, способствует повышению общего интеллектуального потенциала нации. Однако в то же время культурное пространство украинского общества оказывается в ситуации постоянной фрагментации и утраты целостности символических оснований. Так, в условиях вливания в глобальное линейное время украинские школы так и не имеют единого учебника по истории, что означает утрату цикличности не только в социализации новых поколений, но и потерю общественного консенсуса по поводу самой истории нации, а, значит, и глубокий кризис национальной самоидентификации.

Другим ярким примером негативных последствий глобализации и вхождения в общий ритм линейного времени является украинская детская книга. Поток символов индустрии развлечения для детей, который на западе уже давно преодолел какие-либо национальные барьеры, обрушился сегодня и на Украину. Некогда популярные и знакомые нам с детства «отечественные» сказочные персонажи постепенно уступают место импортным «Микки-маусам» и прочим продуктам американского шоу-бизнеса. При этом национальные издательства оказываются в достаточно парадоксальной ситуации: с одной стороны, выпуская книги с аутентичной сказочной символикой, они могут понести значительные финансовые убытки, поскольку производство этой символики не имеет регулярного подкрепления такими средствами массовой информации, как, например, телевидение; с другой стороны, выпуская книги с западной детской символикой, украинские издательства оказываются в положении постоянных нарушителей авторских прав, поскольку приобрести подобные права, скажем, у корпорации Диснея — слишком дорогостоящее предприятие.

Таким образом, вследствие набирающих темпы глобализационных процессов и мировой синхронизации времени нарушается символическая преемственность поколений в отдельных культурных

системах. Тем не менее, сегодня временная унификация выглядит как наиболее эффективный способ снятия конфликтности в глобальном обществе.

В таких условия социология сталкивается с непростым выбором: приветствовать «наблюдаемость» унифицированного мира и стать на позиции точной науки, только лишь *объясняющей* «состояние вещей» и не дающей им при этом оценки; либо же остаться интерпретирующей наукой, а, значит, сохранить способность к критическому мышлению — рассматривать социум не как *данность*, а как вечную *возможность*. Во втором случае, возможно, именно социология окажется тем дискурсом, в рамках которого сформируется четкое убеждение в том, что темпоральная диверсификация человечества станет в будущем его спасительным ресурсом.

Литература:

1. Бурдье П. За рациональный историзм./Социо—Логос постмодернизма. — Socio—Logos'97. — М.: Институт экспериментальной социологии, 1996. — с. 9-29.
2. Возняк Т. Глобалізація як виклик людству// Незалежний культурологічний часопис «І», — 2000, — №19. — с. 27-48.
3. Тоффлер О. Третья волна. — М., 1995. —286 с.